

Слово редактора

Предисловие

редактора – составителя

АЛЕКСЕЙ ТИТКОВ

Политика, масса и священное (дюркгеймовские эффекты политизации)

5

«Социология власти» — название обязывает — в очередной раз обращается к теме политики и политического. В предыдущих выпусках журнала, по крайней мере, два программных текста обозначили проблемные точки социальной теории в отношении политического.

Латур в статье 2007 г. «Turning around politics» напоминает о неоднозначности понимания политического и предлагает в качестве решения шесть значений «политического», представляющих собой разные стадии развития «предметов беспокойства», каждая со своим особым содержанием политики [Латур, 2012].

Виктор Вахштайн в полемическом слове редактора обращает вслед за Латуром внимание на неоднозначность лозунга «Everything is political», который настраивал на поиск «политического» в любых повседневных ситуациях. Такой тезис, считает автор, позволяет перейти к противоположной трактовке: «редукция Повседневного к Политическому оборачивается последующей десуверенизацией политического и его растворением в повседневном» [Вахштайн, 2012, с. 5–7].

Дискуссия продолжается в номере, значительная часть которого посвящена исследованию протестного движения, начавшегося в России в декабре 2011 г. Неожиданный взрыв политической актив-

Титков Алексей Сергеевич — социолог (МВШСЭН 2010), кандидат географических наук (Институт географии РАН, 2008), доцент философско-социологического отделения РАНХиГС, доцент факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: политическая социология, социология религии, культурсоциология.

ности, выразившийся наглядным образом в серии многотысячных митингов, стал главным фокусом большинства текстов, опубликованных в этом номере. Массовые митинги как особый тип ситуаций взаимодействия лицом-к-лицу возвращают нас к проблематике, которую основатель фрейм-анализа Ирвинг Гофман [2002] определял как «дюркгеймовские эффекты», особый класс пограничных явлений на стыке между микро- и макроуровнем социального взаимодействия.

В латуровской схеме проблематика такого рода помещается, скорее всего, на переходе от стадии «политического-2», появления публички, связанной с каким-либо беспокоящим предметом, к стадии «политического-3», когда этот предмет оказывается соотнесенным с ключевыми ценностями национального государства [Латур, 2012, с. 246–251]. Как именно происходит такой переход, схема не описывает, объяснять его нужно иными методами.

«Дюркгеймовские эффекты», по Гофману, создают переход от взаимодействий между людьми, собравшимися вместе, к «нематериальному содержанию» вроде ценностей, обычно невидимых, но значимых в нашей жизни. С помощью драматической постановки люди представляют друг другу идеалы, представления о мире, ключевые события в прошлом или будущем, другие «нематериальные вещи», которые иначе были бы недоступными для чувственного восприятия [Гофман, 2002, с. 83–85]. Эмиль Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни» подчеркивает роль таких неповседневных собраний в поддержании и воспроизводстве социального порядка. Гофман больше обращает внимание на их возможную роль в социальных изменениях, как, например, фестиваль ударных оркестров в одном из кварталов Лондона привел к политической самоорганизации проживающих там выходцев из Вест-Индии [Там же].

Виктор Вахштайн в представляемом номере возвращается к проблеме соотношения между областью политики и изучаемыми социологией повседневности взаимодействиями лицом к лицу. Отказываясь от сведения политического к классу «абсолютных событий», редких и чрезвычайных, автор предлагает искать «политическое» в некоторой упорядоченной логике, связывающей события друг с другом. Статья не дает ответа, какая именно конфигурация событий придает им всем характер политического, но, продолжая логику автора, мы можем предположить, что, по крайней мере, некоторые из этих событий должны носить неповседневный характер. В пределе, т. е. в начале или конце цепочки определяющих друг друга событий, мы обнаружим те же «абсолютные события», от которых Вахштайн отказался несколькими ходами раньше. Разбираемые в статье примеры голосования и подсчета голосов оказывают

ся не вполне повседневными не только в смысле их относительной редкости, но и из-за того, что участники склонны переопределять их, сопоставляя с чем-то игровым, праздничным или ритуальным, т. е., по Гофману, с праздничными общественными событиями, с которыми и связаны, как правило, дюркгеймовские пограничные эффекты.

Антон Соболев рассматривает митинги протеста с точки зрения условий, которые помогают или препятствуют людям собраться в определенное время в определенном месте. Самыми значимыми факторами, определяющими успех или неуспех коллективного действия, автор называет плотность населения, технологии связи (телефоны, Интернет) и, наконец, относительную силу двух соперничающих эмоций, которые может вызывать политика: недовольство и возмущение, с одной стороны, и страх перед применением силы — с другой. Фактор средств связи приводит нас к проблематике «системной интеграции» Энтони Гидденса [2003], к вопросу, какие ресурсы и какие технологии складывают взаимодействия лицом к лицу в общности большего масштаба, а при большем обобщении — к темам отношений между властью и технологиями, властью и коммуникациями, к которым наш журнал уже неоднократно обращался (№ 6-7 и № 8 за 2012 г.). Два других относятся во многом к рассматриваемым здесь «дюркгеймовским эффектам».

Фактор плотности населения возвращает нас к «социальной морфологии» раннего Дюркгейма, к аргументации «Разделения общественного труда», где именно плотность населения признается важнейшим условием развития общества [Дюркгейм, 1991a, с. 248-258]. В «Методологии социологии» Дюркгейм частично пересматривает свой тезис: материальная плотность общества представляет собой лишь грубое приближение к динамической плотности, т. е. густоте нравственных связей между людьми, степени их участия в коллективной жизни [Дюркгейм, 1991b, с. 501-503]. Проблематика «моральной плотности» [Durkheim, 2003] приводит позднего Дюркгейма в «Элементарных формах религиозной жизни» к теме праздничных ритуалов, создающих те самые «дюркгеймовские эффекты» по Гофману.

Та же проблематика «Элементарных форм» обнаруживается в факторе возмущения политикой и /или страха перед ней. Эмоции, вызванные политикой, оказываются одной из сквозных тем номера. Светлана Ерпылева подчеркивает отношение к политике как к чему-то опасному, требующему осторожности. Такое отношение воспроизводится и закрепляется в отношениях между подростками и родителями, которые приучают детей держаться от политики подальше.

Анна Желнина обращает внимание на образ политики как чего-то чужого и подавляющего. Подобный образ политики заставля-

ет молодежь отказываться от политической активности, выбирать другие области самореализации. Александрина Ваньке описывает широкий, от гнева до восторга, набор эмоций, которые участники протестных акций выражают посредством телесных метафор.

Политические акции как проявление «дюркгеймовских эффектов», политика как неповседневное, политика как опасность — все эти темы приводят к одной и той же проблематике священного (сакрального). Социальные антропологи нередко определяют сакральное как часть среды, вызывающую тревогу, угрожающую, неподконтрольную и непонятную [Уорнер, 2000, с. 535–537]. Дюркгейм в «Элементарных формах» определяет сакральное, с одной стороны, через его отделенность от повседневного (профанного), с другой — через коллективные эмоции повышенной интенсивности, непохожие на умеренные проявления чувств в большинстве повседневных ситуаций.

Другой классический подход, предложенный Максом Вебером и определяющий политику как *Beruf*, т. е. призвание почти религиозного характера, выделяет среди качеств, отличающих политика, страстную самоотдачу делу, веру в идею, которой он служит [Вебер, 1990]. Веберовская «Политика как призвание и профессия», почти вся посвященная профессиональным политикам, оставляет нерешенной проблему, более интересную в нашем случае: в какой мере те же черты религиозного призвания обнаруживаются в «политиках по случаю» (например, в избирателях на выборах или в участниках протестных акций), которых Вебер упоминает лишь мельком. Политизация рядовых граждан, включение их в общественные движения описывается в том числе и в статьях Дэвида Сноу и Роберта Бенфорда. Предложенный Сноу и Бенфордом подход, описывающий мобилизацию активистов как процесс согласования фрейма, соединения ценностей индивида с ценностями движения, стал их признанным вкладом в социологию общественных движений, но и после них в вопросе, как происходит политизация, остается много неясного.

Михаил Габович определяет протестные движения как эпистемические пространства, находясь в которых, участники протеста приобретают новые знания и навыки, становятся более компетентными в политике (именно этот тезис подчеркивается в рецензии Андреаса Лангеноля). Важно, что нередко политическая активность оказывается связанной не с последовательным накоплением знаний, а с чем-то вроде религиозного обращения, меняющего картину мира и стиль поведения чуть ли не в один момент. Современники первых думских депутатов начала XX в. (и, возможно, сами депутаты) нередко были склонны видеть и описывать начало их политической карьеры именно в понятиях внезапного обращения, например: «Вспыхнула война и... его зачислили в железнодорожный батальон

и отправили на Дальний Восток. Здесь в Чите у него, по его словам, „открылись глаза“; «Затем, по объявлении войны Батуров был отправлен на театр военных действий. Здесь в характере и мировоззрении Батурова и произошел тот благодатный перелом, который, из забитого, сделал из него то, что он есть в настоящее время, то есть человека, готового... постоять за кровные интересы русского пахаря» [Первая Государственная Дума..., с. 23–24, 27–29].

Вопрос о характере политизации, поступательном или скачкообразном, представляет еще один существенный пункт для дискуссий.

Донателла дела Порта с соавтором описывают активистов экологического движения, интересы которых постепенно смещаются от местных интересов к национальным и глобальным. Такое же последовательное расширение кругозора описывает на примере социальных активистов в России Карин Клеман [Клеман, Мирясова и др., 2010; Городские движения в России, 2012]. Противоположная модель резкого включения в политику под влиянием эмоций и ситуации была предложена для протестов 2011–2012-х годов исследователями петербургского «Коллектива исследователей политизации (КИП)» [Политизация и политическая субъективизация, 2012 и др.]. В данном номере, где ряд статей подготовлен бывшими и нынешними участниками проекта КИП (Светлана Ерпылева, Наталья Савельева, Анна Желнина), в большей степени рассматривается второй подход. Причину этого можно объяснить не только личным выбором авторов, но и особенностями рассматриваемой ситуации в России в начале 2010-х годов.

Особенности ситуации определяются, с одной стороны, контекстом «деполитизированного общества», как его определяют исследователи КИП, то есть типичной для России и других посткоммунистических стран социальной среды, в которой политика в целом и политическая активность в частности вызывают, как правило, подозрение и отторжение.

Статьи Светланы Ерпылевой и Анны Желниной представляют в основном именно эту сторону проблемы. С другой стороны, массовый выход людей на улицы зимой — весной 2011–2012-х годов и предвавшая его волна эмоций вокруг выборов и их результатов должны были повлиять на многих. Именно на этой стадии подъема политической активности исследование ВЦИОМ обнаружило, в частности, заметный рост доли граждан, готовых к волонтерской работе, прежде всего, на выборах (см. рецензию на книгу «От плебисцита к выборам»).

Влияние протестных митингов — последний важный проблемный узел, объединяющий ряд статей номера. Исследование ВЦИОМ обращает внимание на реакцию широкой аудитории, т. е.

на воздействие, опосредованное телевидением и газетами; здесь преобладали, скорее, страх и неодобрение. Статьи в нашем номере посвящены в большей степени другой стороне проблемы — «дюркгеймовским эффектам» на микроуровне или, в иной формулировке, воздействию массы, формирующейся на протестных акциях, на участвующих в ней индивидов.

«Несомненно, любые массовые сборища... могут иметь долговременное влияние на политическую ориентацию участников», отмечает Гофман [2002, с. 85], следуя обширному направлению, берущему начало с работ Лебона [1896] и Тарда во второй половине XIX в., Александрина Ваньке описывает эмоциональный подъем от принадлежности к большому «коллективному телу». Михаил Агапов на языке фрейм-анализа описывает соприкосновение двух типов масс. «Новые протестующие» создавали открытую массу, которая «существует, пока растет и стремится втянуть в себя каждого в пределах ее досягаемости» [Жанетти, 2014, с. 25–26], партийные активисты — закрытую массу, которая «отказывается от роста и делает упор на структуру» и рассчитывает на повторение, на регулярные сборы своих участников.

«Дюркгеймовские эффекты» в прямом смысле слова определяют Александрина Ваньке, Наталья Савельева и Михаил Габович. Отделение пространства митингов и шествий от повседневной жизни снаружи полицейскими ограждениями (Габович) и изнутри элементами карнавала в одежде и поведении (Ваньке) создает впечатление неповседневного события большой важности. Участники больших митингов не только стремятся быть увиденными и услышанными (Ваньке, Савельева), но и создают для себя зрительный материальный образ «коллективного тела» (Ваньке), напоминающий знаменитое изображение сложенного из человеческих тел огромного существа на титульном листе «Левиафана» Гоббса. Участники митингов создают собой и для себя образ народа, который они представляют, народа, у которого сохраняются индивидуальность и политические различия, но все спаяны символической общей целью и общим противостоянием (Савельева).

За пределами нашего выпуска остались подходы, описывающие те же события с макросоциологических позиций. Мы можем лишь кратко наметить на будущее некоторые самые известные: анализ в логике волн демократизации внешних и внутренних условий, делающих их возможными [Хантингтон, 2003], в логике перехода от «подданнической» политической культуры к гражданской [Алмонд, Верба, 2010], от «естественного государства», основанного на коалиции правящих ресурсных групп, к государству открытого доступа [Норт, Уоллис и др., 2012]. Независимо от успехов, которые могли бы дать исследования в таком направлении, все они в конечном счете останавливаются перед вопросом о механизмах изме-

нений на уровне человеческих взаимодействий, который для нас с самого начала был одним из главных.

Библиография

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура // *Полития*. 2010. № 2 (57). С. 122–144; № 3–4 (59–59). С. 207–221.
2. Вахштайн В. «Nothing is political...» // *Социология власти*. 2012. № 8. С. 5–7.
3. Вебер М. *Политика как призвание и профессия* // Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. с. 644–706.
4. Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект, 2003.
5. *Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому* / Под ред. Клеман К. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
6. Гофман И. *Порядок взаимодействия* // *Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. / Сост., ред. С. П. Баньковской*. М.: Университет, 2002. Ч. 2. С. 60–104.
7. Дюркгейм Э. (а) *О разделении общественного труда* // Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука, 1991а. С. 3–390.
8. Дюркгейм Э. (б) *Метод социологии* // Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука, 1991. С. 391–532.
9. Клеман К., Мирясова О., Демидов. *От обывателей к активистам: Зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата, 2010.
10. Латур Б. *Коперниковский поворот в политической теории* // *Социология власти*. 2012. № 6–7. С. 235–254.
11. Канетти Э. *Масса и власть*. М.: АСТ, 2014.
12. Лебон Г. *Психология народов и масс*. СПб.: Павленков, 1896.
13. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгас Б. *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
14. *Первая Государственная Дума: Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной Думы*. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1906.
15. *Политизация и политическая субъективизация в современной России* / Шестая конференция «Выставка достижений научного хозяйства» (ВДНХ-6). Санкт-Петербург. 2012. 15 декабря (<http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14168>; <http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14169>)
16. Уорнер У. *Живые и мертвые*. М.; СПб: Университетская книга, 2000.
17. Durkheim E. *Les formes élémentaires de la vie religieuse*. Paris: Presses Universitaires de France, 2003.

References

1. Almond G., Verba S. (2010) *Grazhdanskaya kul'tura*. *Politiya*. № 2 (57). S. 122–144; № 3–4 (59–59). S. 207–221.
2. Durkheim E. (2003) *Les formes élémentaires de la vie religieuse*. Paris: Presses Universitaires de France.

3. Dyurkgeym E. (1991a) *O razdelenii obshchestvennogo truda. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. M.: Nauka. S. 3–390.
4. Dyurkgeym E. (1991b) *Metod sotsiologii. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. M.: Nauka. S. 391–532.
5. Giddens E. (2003) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii*. M.: Akademicheskiiy projekt.
6. Gofman I. (2002) *Poryadok vzaimodeystviya. Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya: v 2 ch./sost., red. S. P. Ban'kovskoy*. M.: Universitet.
7. *Gorodskie dvizheniya Rossii v 2009–2012 godakh: na puti k politicheskomu* (2013) Pod red. Kleman K. M.: *Novoe literaturnoe obozrenie*.
8. Kanetti E. (2014) *Massa i vlast'*. M.: AST.
9. Kleman K., Miryasova O., Demidov (2010) *Ot obyvateley k aktivistam: Zarozhdayushchiesya sotsial'nye dvizheniya v sovremennoy Rossii*. M.: Tri kvadrata.
10. Latur B. (2012) *Kopernikovskiy povorot v politicheskoy teorii. Sotsiologiya vlasti*. № 6–7. S. 235–254.
11. Lebon G. (1896) *Psikhologiya narodov i mass*. SPb.: Pavlenkov.
12. Nort D., Uollis Dzh., Vayngas B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki: Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva*. M.: Izd-vo Instituta Gaydara.
13. *Pervaya Gosudarstvennaya Duma: Alfavitnyy spisok i podrobnye biografii i kharakteristiki chlenov Gosudarstvennoy Dumy (1906)* M.: Tovarishchestvo I. D. Sytina.
14. *Politizatsiya i politicheskaya sub» ektivizatsiya v sovremennoy Rossii (2012) Shestaya konferentsiya «Vystavka dostizheniy nauchnogo khozyaystva» (VDNKh-6). Sankt-Peterburg. 2012. 15 dekabrya* (http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14_168; http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14_169)
15. Uorner U. (2000) *Zhivye i mertvye*. M.; SPb: Universitetskaya kniga.
16. Vakhshayn V. (2012) *«Nothing is political...»*. *Sotsiologiya vlasti*. № 8. S. 5–7.
17. Veber M. (1990) *Politika kak prizvanie i professiya. Izbrannye proizvedeniya*. M.: Progress. s. 644–706.